

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominaty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Василий Щукин

KRAKÓW, UNIWERSYTET JAGIELLOŃSKI W KRAKOWIE

Художественные модели времени в русской литературе XIX века

(на материале избранных произведений классиков)

Artistic Models of Time in the Russian Literature of the XIX Century
(Based on Selected Works of the Classics)

Abstract: This work is an attempt to create an integral description and classification of the basic models of the depicted time, which are regularly found in the works of art of Alexander Pushkin, Nikolai Gogol, Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky. The chosen method of research is mythopoetic phenomenology. The following models were identified and described: eternity, mythological (archetypal level of creation), cyclical (archaic level) meta-historical (legendary-historiosophical level), macro calendar (historical level), biographical (macro-event level), actual-event ("clock" level) and stop-frame (instant level).

The temporal world of Alexander Pushkin is universal: it combines different models, but there are no two extremes – eternity and freeze-frame. Nikolai Gogol uses the same models, but in this case they take on a distorted, pathological appearance, and a return to archaic or even archetypal harmony is offered as a salvation from this pathology. The original model of Leo Tolstoy is natural cyclic time (sometimes transforming into a still frame), and spiritual biographies tend to descend to the meta-biological level, which means giving up history in favor of nature. Fyodor Dostoevsky's favorite temporal models are reporter, criminal and catastrophic. The catastrophic passage of time often takes the form of a universal meta-catastrophe, the Apocalypse; There is also a rare species – cosmic time.

Keywords: time, artistic model, eternity, Russian literature of the XIX century, mythological poetics,.

Если позволить себе некоторую роскошь, пренебречь адекватным эмпирическим описанием художественного текста и заняться моделированием, то можно обнаружить склонность любого из русских классиков XIX века

к построению типовых, повторяющихся моделей художественного времени, которые представляют собой разные уровни абстракции, от предельно конкретизированных до предельно умозрительных.

Для начала позволю себе перечислить и кратко охарактеризовать несколько основополагающих темпоральных моделей. В произведениях избранных мною пяти русских классиков – Александра Пушкина, Николая Гоголя, Льва Толстого, Федора Достоевского и Антона Чехова они встречаются как в интегральном варианте, то есть в совокупности всех необходимых и достаточных составляющих, так и в виде отдельных характерных элементов той или иной модели.

1. Вечность. Представляет собою метафизическую субстанцию, порожденную человеческим сознанием при посредничестве *Unbewußte*¹. Феномен сугубо интенциональный; его существование не подтверждается ни в теоретической физике, ни в биологии. Вечность означает непрерывное, лишенное какой бы то ни было формы движения или изменения состояние субъекта или объекта, находящегося вне времени или в воображаемом сверхвремени. Это исполнение светлого пророчества ангела из Апокалипсиса св. Иоанна Богослова: „Времени уже не будет”². Буддисты отождествляют эту субстанцию с нирваной, христиане – с вечными муками в аду или с вечным блаженством в Царстве Божьем, в раю небесном. Изобразить вечность при помощи словесных средств нельзя. Можно лишь намекнуть на то, какой она может быть, соответствующим образом настроив воображение. Такие намеки встречаются у всех рассматриваемых мною писателей, за исключением Чехова, но это всего лишь намеки. Так, например, Иван Гончаров, описывая сознание и одновременно предчувствуя *Unbewußte* Обломова, пытается создать образ вневременных, то есть неизмеримых при помощи часов ритмов природы, которые, как пульсар, пронизывали мироздание всегда и которые никогда не прекратятся. Но ближе всего к метафорическому изображению вечности подходит Толстой в знаменитой сцене ранения Андрея Болконского в битве под Аустерлицем, создавая неповторимый образ равнодушно царящего над миром неба с проплывающими по нему облаками³.

¹ *Unbewußte* (нем.), обычно переводимое как „бессознательное”, хотя точный перевод этого термина звучит как „не-сознание” – важнейшее открытие Зигмунта Фрейда, краеугольный камень психоанализа, который, на мой взгляд, необходимо учитывать при анализе художественного воображения.

² Откр. 10.7.

³ Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в двадцати двух томах*, Москва 1978-1984, т. IV, с. 366-367.

2. Мифическое время, по природе своей сугубо эпическое, недискретное и неподвижное, предполагающее семимильные шаги повествования вдоль и поперек как легендарных, так и реальных исторических эпох. Привязанность к этой модели можно заметить лишь у Гоголя, да и то или в сравнительно ранних романтических произведениях (*Страшная месть*, *Тарас Бульба*, *Вий*)⁴, или в поздней историософской публицистике. У Пушкина мифическое время, разумеется, также присутствует, но оно скрыто под слоем давно используемых иными авторами нарративов, модного романтического пафоса или беллетристической „болтовни”. Мифологическая модель идиллического времени выступает в сне Обломова или в трагических мотивах моря, сфинкса или вещего сна у Тургенева. Толстой, на мой взгляд, явно избегает этой модели, так как не любит завуалированности и иносказания: типичный для него стиль – это высказывание „правды-матки” в лоб. Лирический подтекст в его произведениях не в сторону хронологической мифологии, а в сторону тайн человеческой души (а точнее, моей, твоей, его, ее – но всегда в единственном числе). У Чехова мифологическая модель прямо используется редко – в повести *Огни*, в *Черном монахе* и во втором акте *Вишневого сада*, но и в этом случае обращение к мифическим образам выступает как психический, а не мировоззренческий синдром; гоголевского мифического времени у Чехова нет.

Зато его очень много в произведениях Достоевского. Аркадий Долгорукий тоскует о „золотом веке”, изображенном на картине Клода Лоррена *Асис и Галатей*, которая висит в доме Версилова. Черты Прометея, правда, неудавшегося, можно найти в образах Раскольникова или Дмитрия Карамазова. В роли русского Фауста выступает Иван Карамазов. А рассказ *Сон смешного человека* в том месте текста, где имеет место онирический нарратив, полностью построен в духе мифической темпоральной модели о далекой счастливой стране – Аркадии, Кокань или Эльдорадо, которой (в данном случае в повествование вторгаются сомнения человека Нового времени) угрожает опасность со стороны испорченного земного человека. Бывает и так, что мифический нарратив становится прототипом целого сюжета, как это происходит в случае *Белых ночей*, второй главы *Записок из подполья* или *Братьев Карамазовых*.

3. Архаические схемы аграрного циклического времени – не мифического, а имеющего эквивалент в реальной действительности (а точнее, в пространенных во всех культурах представлениях о ней) – встречаются

⁴ Ср. Ю.В. Манн, *Поэтика Гоголя*, [в:] его же, *Творчество Гоголя: смысл и форма*, Санкт-Петербург 2007, с. 45-52.

практически у всех рассмотренных писателей, кроме Достоевского, который знал как свои пять пальцев жизнь современного большого города⁵, но совершенно не понимал деревню и крестьянский образ мышления. Подлинным поэтом аграрных циклов, не в смысле их агрономического описания, в глубоко проникновении в восприятие и воображения жителя деревни (и избы, и усадьбы), является Толстой – в определенном смысле антипод Достоевского, равный ему по силе таланта. В просторных, растянутых на сотни страниц описаниях смены поколений, рождения детей, бракосочетаний, воспитания малюток, первых любовных радостей и горестей, в описаниях болезни и смерти стариков – в этом неспешном рассказе о, как он сам говорил, „настоящей жизни”⁶ автор *Войны и мира* и *Анны Карениной* не имеет себе равных в русской литературе.

По причине относительной неразвитости городской (буржуазной) культуры на востоке Европы циклическая модель может показаться наиболее типичной для России, но она появляется в любой европейской литературе Нового времени. А кроме того, разве урбанист Достоевский нетипичен для России?

4. Метаисторическое время, иными словами, воображаемые прогулки автора и созданного им повествователя по реальным и легендарным историческим эпохам. Историей и ее сверхэмпирическими законами развития интересовались едва ли не все русские классики и шире – все известные и читаемые в свое время писатели. Пожалуй, самым большим приверженцем исторических легенд и скрытых механизмов поступательного движения деяний человеческих был Гоголь. В отличие от него много занимавшиеся историей эпики – Пушкин и Толстой предпочитают поэзию исторической эмпирики, а не такое воссоздание истории, какое мы видим в *Тарасе Бульбе*, где полумифический XV, XVI или XVII век так причудливо сочетается с гайдаматчиной и „уманской резней” поляков в середине XVIII века, что наверняка определить эпоху никак не удастся, что превосходно сочетается с „мутностью”, неопределенностью как одним из основополагающих принципов поэтики Гоголя⁷.

Спустя два поколения удачно использует метаисторическую временную модель Чехов, у которого мы сталкиваемся не с неопределенностью, как это может на первый взгляд показаться, а с диалогическим разноречием, когда одна убедительная точка зрения звучит одновременно с другими и ко всем

⁵ Ср. Р.Г. Назиров, *Творческие принципы Ф.М. Достоевского*, Саратов 1982, с. 5-27.

⁶ Л.Н. Толстой, *Полное собрание...*, т. V, с. 159.

⁷ См. Ю.В. Манн, *Поэтика Гоголя...*, с. 234-243.

из них стоит прислушаться, потому что „никто не знает настоящей правды”⁸. Метаисторические размышления чеховских героев (не повествователя) сводятся, как правило, к тому, что в прошлом было хорошо, в настоящем одна скука и страдания, но через двести или триста лет жизнь будет великолепна (*У знакомых*, *Дядя Ваня*, *Три сестры*, *Вишневый сад*) – однако возможен вариант, при котором „наше невеселое время” покажется будущим поколениям сплошь счастливым и они еще будут „нам” завидовать (мысль Тугенбаха). Впрочем, большим мастером хождений по легендарным и вполне реальным эпохам является автор гениальной, до сих пор недооцененной книги – *Истории одного города*. Следует, однако, принять во внимание то, что хроника Салтыкова-Щедрина – не историческая, а политическая сатира, и потому метаисторическое время выступает в ней в гротескном искажении и обобщении.

5. Следующая темпоральная модель – макрокалендарное время. Оно полностью очищено от мифической неопределенности и легендарности, так как это появившееся на западе Европы на заре Нового времени секулярное время, измеряемое годами и веками (латинское *saeculum* означает ‘сто’). По всей вероятности, здесь мы имеем дело с самым эпическим временем в европейской литературе после завершившегося Средневековья с его рыцарскими эпопеями. Эту модель не любит Достоевский, который был ярко выраженным романистом, но не эпиком, если в данном случае применить классификацию и терминологию М.М. Бахтина⁹. Автор *Преступления и наказания*, *Идиота* и *Бесов* проявлял особую склонность не к календарю, а к часам, о чем будет сказано несколько позже. Впрочем, не просто календарное – дневниковое по жанровому соотношению время, а именно метакалендарное пользуется особым, крупномасштабным календарем, в котором не указываются точные даты. Его очень любит Толстой, главным призванием которого была, при всех оговорках¹⁰, эпика.

⁸ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах*, Москва 1974-1988, т. 7, с. 454 (повесть *Дуэль*, невысказанные вслух слова Лаевского).

⁹ М.М. Бахтин, *Эпос и роман. О методологии исследования романа*, [в:] его же, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва 1975, с. 447-464.

¹⁰ Я имею в виду тончайший психологический анализ, который традиционно более привязан не к большим эпическим жанрам, как, например, *roman-fleuve* (польск. *powieść-rzeka*) или семейная сага, а скорее к лирическим миниатюрам и новеллам, как у Тургенева, Чехова или Бунина. Без погружения в микроскопические детали и без придания им эмоциональной наполненности вплоть до сентиментальных эффектов Толстой не был бы Толстым.

6. Биографическое время – модель, которая применяется для описаний жизненного пути героя или сопоставимых с ним значительных фрагментов жизни (например, с юности до старости, но без включения детства и последних лет жизни). Существуют две разновидности биографического времени: а) векторное или микрокалендарное и б) возвратно-закругленное (ее же можно назвать моделью блудного сына).

В первом случае в сюжете „жизнь героя” читательское внимание обращается не на весь жизненный путь от начала до конца, а на наиболее острые, важные моменты. Когда автор подходит к описанию такого момента, он замедляет бег фабульного времени и начинает изображать день за днем, даже если жизнь героя отличается изрядной монотонностью, как счастливое прозябание Обломова на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной. Замечательным примером реализации микрокалендарной модели векторного типа (когда герой развивается или деградирует в одну сторону, не возвращаясь к прошлому) является роман-хроника *Господа Головлевы* Салтыкова-Щедрина. Все три брата Головлевы, а также дочери Павла Владимировича – Аннинька и Любинька деградируют (а проще говоря, спиваются), покуда повествователь глядит на календарь и замечает, что с каждым днем, месяцем или годом душевное разложение героя неотвратимо приобретает всё более ужасающие формы.

В случае применения обратимой темпоральной модели типа „блудный сын” сюжет повествовательного произведения строится как бы с применением „фигурной скобки” (польск. *klamra*): Базаров поначалу хорохорится, стремясь убежать в мировые столицы и в науку, но в результате несчастной любви возвращается к исходной точке жизни – у родителей, в родном гнезде, где он родился и где вскоре умрет. Жизнь Обломова также представляет из себя параболу: в ее пиковый момент он забывает о халате и знакомится с шедеврами мирового искусства, но затем он понимает, что такая жизнь не для него и его энергия постепенно гаснет: духовное возвращение этого „блудного сына на час” в подобие родного гнездышка и последующий уход в раннюю смерть уже неизбежен, дни сочтены и измеряются календарем. Восхождение, достижение жизненной вершины (причем вершина часто оказывается ложным идеалом, а восхождение ложным прогрессом) и упадок, сопровождающийся возвращением в подобие изначального состояния, переживают Анна Каренина, Николай Степанович из повести Чехова *Скучная история*, Андрей Ефимыч Рагин из *Палаты № 6*, Лаевский из *Дуэли* – но всё-таки не Буров из *Дамы с собачкой*, который уже никогда не вернется к прошлому, потому что великое чувство „выпрямило” его душу навсегда, как Венера Милосская „выпрямила” душу сельского учителя Тяпушкина в рассказе Глеба Успенского.

7. Актуально – событийное время, которое можно определить как минутно-часовое или репортерское, немыслимо без присутствия механических или электронных часов, на которые время от времени посматривают герои или повествователь, ибо не могут представить себе жизни без этого прибора. В данном случае время становится предельно дискретным, раздробленным на мельчайшие отрезки, а его темп заметно убыстряется, но по приказу автора его также можно замедлить или пустить галопом.

Мастером самых разнообразных строительных комбинаций в процессе реализации этой модели является Достоевский. Правда, Д.С. Лихачев, описавший характерные черты времени у этого писателя вслед за М.М. Бахтиным, назвал эту модель „летописным временем”, но он тут же заметил, что повествователь у Достоевского ведет себя, как репортер, идущий по горячим следам событий¹¹. Позволю себе добавить, что подобной моделью пользуется повествователь-обозреватель в сатирических циклах Щедрина, а повествователь в *Истории одного города* не случайно носит маску летописца.

8. Наконец мы добрались до самой редкой модели художественного времени, до антипода вечности. Это мимолетное время, экстремальным вариантом которого является стоп-кадр.

Приведу очень разные примеры. Первый – сцена у камина в конце первой части романа Достоевского *Идиот*. Этот фрагмент занимает немногим больше полутора стандартных книжных страниц и, чтобы прочесть его, человеку требуется не менее четырех-пяти минут. Но Настасья Филипповна бросила пачку денег в огонь уже в самом начале отрывка: за пять минут деньги сгорят. Поэтому Ганя Иволгин должен действовать быстрее, чем читатель. И он бледнеет, колеблется, доходит неверной походкой до камина и падает в обморок, потратив на всё это не пять минут, а значительно меньше. Это не стоп-кадр, но это тот редчайший в истории элитарной литературы пример (встречающийся, впрочем, в детективных и фантастических романах), когда время восприятия текста больше времени изображенного действия. В этом случае читателю кажется, что всё это действие совершается мимолетно: он жалеет, что не может читать о таких захватывающих вещах столь же быстро, и, находясь в состоянии эмоционального возбуждения, начинает убыстрять темп чтения. Автор этих строк, в бытность свою студентом первого курса филологического факультета Московского университета, провел эксперимент: он попросил респондентов (100 человек разного возраста) прочесть про себя этот фрагмент, а при этом респонденты помечали в книге, сколько

¹¹ Д.С. Лихачев, „Летописное время” у Достоевского, [в:] его же, *Литература – реальность – литература*, Ленинград 1984, с. 80-95.

они успели прочесть за одну, две, три и т.д. минуты. Оказалось, что быстрее всего читали тогда, когда пачка вовсю горела, Ганя колебался, а все вокруг кричали, желая влезть в огонь руками вместо Гани.

Второй пример представляет собой настоящий стоп-кадр. Это всем известная немая сцена в финале комедии Гоголя *Ревизор*. В этом случае лихорадит не время действия – оно равно нулю, так как любое малейшее движение замирает. Но не стоит на месте время восприятия – те несколько минут, за которые читатель, в данном случае никуда не торопясь, а наоборот, замедлив темп чтения, чтобы лучше понять смысл этой поразительной сцены.

Если вечность в литературе можно лишь предчувствовать и намекать на нее косвенно, то в немой и к тому же неподвижной, „паралитической” сцене автор предстает в роли абсолютного демиурга, от пластического и словесного решения которого зависит всё. Поэтому состояние безвременья в Царстве Божьем и остановка времени по воле автора в стоп-кадре только формально можно приравнять друг к другу по формуле $t = 0$. Господень ноль и ноль во времени, воплощенный пусть не органическую, но в метафорически живую плоть искусства, суть полярные темпоральные модели, вполне достойные друг друга.

Библиография

- Бахтин М.М., *Эпос и роман. О методологии исследования романа*, [в:] его же, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва 1975.
- Гоголь Н.В., *Собрание сочинений в шести томах*, Москва 1950.
- Гончаров И.А., *Собрание сочинений в восьми томах*, Москва 1978-1980.
- Достоевский Ф.М., *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения*, тома 1-17, Ленинград 1972-1976.
- Лихачев Д.С., „Летописное время” у Достоевского, [в:] его же, *Литература – реальность – литература*, Ленинград 1984.
- Манн Ю.В., *Поэтика Гоголя*, [в:] его же, *Творчество Гоголя: смысл и форма*, Санкт-Петербург 2007.
- Назиров Р.Г., *Творческие принципы Ф.М. Достоевского*, Саратов 1982.
- Пушкин А.С., *Полное собрание сочинений в десяти томах*, Москва – Ленинград 1949-1951.
- Салтыков-Щедрин М.Е., *Собрание сочинений в двадцати томах*, Москва 1965-1977.
- Толстой Л.Н., *Полное собрание сочинений в двадцати двух томах*, Москва 1978-1984.
- Тургенев И.С., *Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах*, Москва – Ленинград 1960-1968.
- Чехов А.П., *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах*, Москва 1974-1988.

Информация об Авторе

Василий Георгиевич Шукин (Wasilij G. Szczukin) – профессор, доктор наук, заведующий Кафедрой средневековой и новой русской культуры в Институте Восточно-славянской филологии Ягеллонского университета в Кракове.

e-mail: wszczukin@yandex.com

<https://orcid.org/0000-0001-9083-6730>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

